

Хауф Вильгельм

Сказки Гауфа

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В46

В46 **Вильгельм Х.**
Сказки Гауфа: Часть 2 / Хауф Вильгельм – М.: Книга по Требованию, 2022. –
123 с.

ISBN 978-5-521-28942-4

ISBN 978-5-521-28942-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мнѣ не нравились; тамъ у меня было только немного хорошихъ друзей, но это были благородные молодые люди.

Тоска по родинѣ сдѣлалась, наконецъ, во мнѣ очень сильной; во все время я ничего не слышалъ о моемъ отцѣ, поэтому я ухватился за удобный случай поѣхать домой. А именно: изъ Франціи отправлялось посольство къ Высокой Портѣ. Я нанялся хирургомъ въ свиту посла, и снова благополучно прибылъ въ Стамбулъ. Но домъ отца я нашелъ запертымъ; сосѣди удивились, увидя меня и сказали, что мой отецъ умеръ два мѣсяца тому назадъ. Тотъ самый священникъ, который меня училъ въ молодости, привесъ мнѣ ключъ; одинокій и покинутый вступилъ я въ опустѣлый домъ. Я засталъ еще все такъ, какъ оставилъ отецъ, только не было золота, которое онъ обѣщалъ мнѣ оставить послѣ себя. Я спросилъ объ этомъ священника, который, поклонившись, сказалъ: «Вашъ отецъ умеръ, какъ святой, такъ какъ свои деньги онъ завѣщалъ церкви». Это и было, и осталось для меня непонятнымъ; однако, что же я могъ сдѣлать? У меня не было никакихъ свидѣтелей противъ священника и долженъ былъ радоваться, что онъ на домъ и на товары не посмотрѣлъ, какъ на завѣщанное ему. Это было первое несчастіе, которое постигло меня. Съ тѣхъ поръ оно обрушивалось на меня ударъ за ударомъ. Слухъ обо мнѣ, какъ о врачѣ, не могъ распространиться, потому что я стыдился сдѣлаться площаднымъ лѣкаремъ; всюду предоставляло мнѣ рекомендаціи моего отца, который ввелъ бы меня къ самымъ богатымъ и знатымъ,

которые теперь больше и не думали о бѣдномъ Цалевкосѣ. Отцовскіе товары не находили никакого сбыта, такъ какъ покупатели послѣ его смерти разбрелись, а новые набирались медленно. Однажды, когда я обсуждалъ мое безотрадное положеніе, пришло мнѣ въ голову, что во Франціи я часто видѣлъ моихъ соотечественниковъ, которые ходили черезъ всю страну и выставляли свои товары на базарахъ по городамъ; я вспоминалъ, что у нихъ охотно покупали, потому что они приходили изъ чужихъ краевъ, и что подобной торговлей можно пріобрѣсти много. Тотчасъ я принялъ рѣшеніе. Я продалъ отцовскій домъ, отдалъ часть вырученныхъ денегъ испытанному другу на сохраненіе, на остальные же купилъ того, что во Франціи встрѣчается рѣдко: шали, шелковыя матеріи, мази и масло, нанялъ мѣсто на корабль и отправился во второе путешествіе во Францію. Казалось счастье снова стало мнѣ благопріятствовать. Нашъ переездъ былъ непродолжителенъ и благополученъ. Я прошелъ черезъ большіе и малые города Франціи и всюду пахотилъ охотно покупавшихъ мои товары. Мой другъ въ Стамбулѣ, постоянно высылалъ мнѣ свѣжіе запасы, и я со дня на день дѣлался богаче. Когда я скопилъ, наконецъ, такъ много, что сталъ думать о возможности рискнуть на болѣе крупное предпріятіе, перешелъ я со своими товарами въ Италію. Но я долженъ упомянуть еще кой о чемъ, что доставило мнѣ не мало денегъ, именно я взялъ себѣ на помощь мое врачебное искусство. Когда я приходилъ въ какой-нибудь городъ, то оповѣщалъ

черезъ объявленія, что сюда прибылъ греческій врачъ, который вылѣчилъ уже многихъ; и дѣйствительно, мой бальзамъ и лѣкарства доставляли мнѣ кой-какіе цѣхны. Такъ пришелъ я, наконецъ, въ итальянскій городъ Флоренцію. Я рѣшилъ остаться въ этомъ городѣ болѣе продолжительное время, какъ потому, что онъ мнѣ очень понравился, такъ и потому, что хотѣлъ отдохнуть отъ трудовъ моего странствованія. Я нанялъ себѣ магазинъ въ кварталѣ св. Крока, а недалеко оттуда въ трактирѣ нѣсколько хорошихъ комнатъ. Тотчасъ я велѣлъ разнести всюду мои объявленія, возвѣщавшія обо мнѣ, какъ о врачѣ и купцѣ. Едва я открылъ магазинъ, какъ въ него стали стекаться покупатели, и хотя у меня цѣны были немного выше, я продавалъ больше, чѣмъ другіе, потому что былъ услужливъ и любезенъ съ моими покупателями. Я прожилъ очень довольный уже четыре дня во Флоренціи, какъ однажды вечеромъ, когда я уже собирался заперать магазинъ, нашелъ письмо въ маленькой коробочкѣ. Я распечаталъ письмо и нашелъ тамъ приглашеніе явиться нынѣшней ночью, ровно въ двѣнадцать часовъ, на мостъ, который называется Ponte vecchio. Я долго размышлялъ надъ тѣмъ, кто бы это могъ быть, приглашающій меня туда, такъ какъ я не зналъ ни души во Флоренціи, и подумалъ, что можетъ быть меня желаютъ тайно повести къ какому-нибудь больному, что уже часто случалось. Итакъ я рѣшилъ идти туда, однако изъ предосторожности повѣсилъ саблю, которую когда-то подарилъ мнѣ отецъ.

Когда уже близилось къ полупочи, пустился я въ путь и скоро достигъ Ponte vecchio. Я нашелъ мостъ пустымъ и безлюднымъ и рѣшилъ ждать, пока появится тотъ, который меня звалъ. Была холодная ночь; луна ярко свѣтила, и я смотрѣлъ внизъ на волны Арно, далеко мерцавшія въ лунномъ свѣтѣ. На церкви въ городѣ пробило двѣнадцать, я поднялся и передо мной выросъ высокій мужчина, совсѣмъ закутанный въ красный плащъ, конецъ котораго онъ держалъ передъ лицомъ. Сначала я немного испугался, потому что онъ слишкомъ внезапно появился сзади меня, но тотчасъ успокоился опять и сказалъ; «Если это вы меня пригласили сюда, то скажите, что вы имѣете приказать»? Красный Плащъ обернулся и медленно сказалъ: «Слѣдуй за мной»! Тогда мнѣ стало нѣсколько жутко на душѣ идти одному съ этимъ незнакомцемъ; я продолжалъ стоять и сказалъ: «Нѣтъ, милостивый государь, не угодно ли сначала сказать мнѣ, куда; также не угодно ли вамъ показать мнѣ немного ваше лицо, чтобы я видѣлъ, замышляете ли вы со мной доброе». Но Красный Плащъ, казалось, не обратилъ на это вниманія. «Если ты, Цалевкосъ, не хочешь, то оставайся»! отвѣтилъ онъ и пошелъ прочь. Тогда возгорѣлся во мнѣ гнѣвъ. «Думаете ли вы, закричалъ я, что такой человѣкъ, какъ я, позволить всякому глупцу издѣваться надъ собой, и что я буду даромъ ждать въ такую холодную ночь»? Въ три прыжка я настигъ его, схватилъ его за плащъ и началъ кричать еще громче, положивъ другую руку на саблю; но

плащъ остался у меня въ рукѣ, а незнакомецъ исчезъ за ближайшимъ угломъ. Мой гнѣвъ по-непому улегся; во всякомъ случаѣ у меня былъ плащъ, который долженъ былъ дать мнѣ разгадку этого страннаго приключенія. Я надѣлъ его и пошелъ домой. Едва я удалился оттуда на сто шаговъ, какъ кто-то проскользнулъ мимо близко отъ меня и шепнулъ на французскомъ языкѣ: «Берегитесь, графъ, сегодня ночью ничего нельзя сдѣлать». Прежде чѣмъ я могъ оглянуться, нѣкто былъ уже далеко, и я видѣлъ только тѣнь, скользящую по домамъ. Я понялъ, что это обращеніе касается плаща, а не меня.

На другое утро я обдумывалъ, что слѣдуетъ дѣлать. Сначала я былъ намѣренъ публиковать о плащѣ, какъ будто я его нашелъ, но тогда незнакомецъ могъ велѣть получить его третьему лицу и затѣмъ я не получилъ бы никакихъ объясненій относительно этого дѣла. Великолѣпный видъ плаща навелъ меня на одну мысль, которую я рѣшилъ привести въ исполненіе.—Я отнесъ его въ мой магазинъ и выставилъ на продажу, но назначилъ за него столь высокую цѣну, что былъ увѣренъ въ невозможности найти покупателя. При этомъ моею цѣлью было, всякому, кто спроситъ про плащъ, пристально смотрѣть въ глаза, потому что фигуру незнакомца я могъ бы узнать изъ тысячи. Находилось много желающихъ купить плащъ, необыкновенная красота котораго привлекала всѣ взоры, но никто не походилъ, даже отдаленно, на незнакомца, и никто не хотѣлъ заплатить за плащъ вы-

сокую цѣну въ двѣсти цехиновъ. Меня поражало при этомъ, что когда я спрашивалъ то того, то другого, есть ли во Флоренціи другой такой плащъ, всѣ отвѣчали «нѣтъ» и увѣряли, что никогда столь дорогого и сдѣланнаго съ такимъ вкусомъ плаща не видѣли.

Уже наступалъ вечеръ, когда пришелъ, наконецъ, одинъ молодой человекъ, который часто у меня бывалъ и сегодня также много предлагалъ за плащъ; онъ бросилъ кошелекъ съ цехинами на столъ и закричалъ: «Ей богу! Цалевкосъ, я долженъ имѣть твой плащъ, хотя бы благодаря этому я сдѣлался нищимъ». Тотчасъ онъ началъ пересчитывать свои золотыя монеты. Я былъ въ большомъ затрудненіи; я выставилъ плащъ только затѣмъ, чтобы привлечь на него какъ-нибудь взоры моего незнакомца, а теперь приходитъ молодой глупецъ и платитъ за него огромную цѣну. Однако что же мнѣ оставалось кромѣ? Я уступилъ, потому что съ другой стороны мнѣ было конечно пріятно, быть столь хорошо вознагражденнымъ за мое ночное приключеніе. Юноша надѣлъ на себя плащъ и пошелъ, но съ порога онъ обернулся, оторвалъ бумажку, которая была прикрѣплена къ плащу, бросилъ ее и сказалъ: «Здѣсь, Цалевкосъ, что-то привѣшено, что, конечно, не принадлежитъ къ плащу». Равнодушно взялъ я записку, но вотъ, что тамъ было написано: «Принеси плащъ сегодня ночью, въ извѣстный часъ, на Ponte vecchio, четыреста цехиновъ ожидаетъ тебя». Я стоялъ, какъ пораженный громомъ. Итакъ я самъ потерялъ свою вы-

году и вполнѣ не достигъ своей цѣли. Однако я задумывался не долго, схватилъ двѣсти цехиновъ, бросился къ тому, кто купилъ плащъ, и сказалъ: «Берите ваши цехины назадъ, дорогой другъ, и оставьте мнѣ плащъ, я не могу его ни въ какомъ случаѣ отдать». Онъ принялъ дѣло сначала въ шутку, но замѣтивъ, что я серьезенъ, пришелъ въ ярость отъ моего требованія, выбранилъ меня дуракомъ и такимъ образомъ дошло, наконецъ, до драки. Однако мнѣ настолько посчастливилось, что въ дракѣ я вырвалъ у него плащъ и уже хотѣлъ бѣжать съ нимъ, когда молодой человѣкъ позвалъ полицію на помощь и потащилъ меня на судъ. Судья былъ очень удивленъ обвиненіемъ и присудилъ плащъ моему противнику. Я же предлагалъ юношѣ двадцать, пятьдесятъ, восемьдесятъ, даже сто цехиновъ кромѣ его двухсотъ, если онъ мнѣ оставитъ плащъ. Чего не могли мои просьбы, того достигло мое золото. Онъ взялъ мои славные цехины, я же удалился съ триумфомъ, и долженъ былъ примириться съ тѣмъ, что меня во всей Флоренціи стали считать за сумасшедшаго. Но мнѣніе людей мнѣ было безразлично, я лучше ихъ зналъ, что въ торговлѣ отъ этого я только выиграю.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я ночи. Въ то же время, какъ и наканунѣ отправился я съ плащемъ подъ мышкой на Ponte vecchio. Съ послѣднимъ ударомъ колокола вынырнула изъ мрака фигура и подошла ко мнѣ. Это, не сомнѣваюсь, былъ вчерашній человѣкъ. «У тебя плащъ»? былъ я спрошенъ. «Да, сударь, отвѣтилъ я, но онъ мнѣ стоилъ сто

пехиновъ чистыми деньгами». — «Я это знаю», возразилъ онъ. «Смотри, здѣсь ,четыреста». Онъ подошелъ со мной, къ широкимъ периламъ моста и здѣсь сосчиталъ золотыя монеты. Тутъ было четыреста; великолѣпно сверкали онѣ при лунномъ свѣтѣ, ихъ блескъ радовалъ мое сердце, ахъ! оно не предчувствовало, что это будетъ его послѣдняя радость. Я сунулъ деньги въ карманъ, и хотѣлъ теперь разсмотрѣть получше добраго незнакомца; но на его лицѣ была маска, изъ подъ нея смотрѣли на меня темные страшно сверкающіе глаза. «Благодарю васъ, сударь, за вашу доброту», сказалъ я ему, «что вы потребуєте теперь отъ меня? Но я вамъ говорю заранѣе, что это не должно быть преступнымъ». «Излишняя забота», отвѣтилъ онъ, накидывая плащъ на плечи; «я нуждаюсь въ вашей помощи, какъ врача, но не для живого, а для мертвого».

«Какъ это можетъ быть?» воскликнулъ я въ изумленіи.

«Я пріѣхалъ съ моей сестрой изъ дальнихъ странъ», началъ рассказывать онъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ: «я жилъ здѣсь съ ней у друга моего дома. Моя сестра скоропостижно умерла вчера отъ болѣзни, и родственники хотятъ похоронить ее завтра. По старому обычаю нашей семьи всѣ должны покоиться въ могилѣ отцевъ; многіе, которые умерли въ чужихъ странахъ, тѣмъ не менѣе покоятся тамъ пабальзамированные. Теперь я предоставляю ея тѣло родственникамъ, но отцу я долженъ, по крайней мѣрѣ, принести голо-

ву его дочери, чтобы онъ еще разъ увидѣлъ ее». Этотъ обычай, отрѣзать головы любимымъ родственникамъ, хотя и показался мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ, однако я не осмѣлился ничего возразить, изъ боязни оскорбить незнакомца. Потому я сказалъ ему, что конечно умѣю обращаться съ балъзамированіемъ мертвыхъ, и просилъ его отвести меня къ покойной. Однако я не могъ удержаться, чтобы не спросить: почему это все такъ таинственно и должно происходить ночью? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что его родственники, которые находятъ его намѣреніе жестокимъ, удержали бы его днемъ отъ этого; но разъ голова будетъ отнята, то они немного могутъ сказать противъ этого; онъ могъ бы принести мнѣ голову самъ, но естественное чувство удержало его отъ того, чтобы отнять голову самому.

Между тѣмъ мы пришли къ большому, великолѣпному дому. Мой спутникъ показалъ мнѣ на него какъ на цѣль нашей ночной прогулки. Мы прошли мимо воротъ дома, прошли въ маленькую калитку, которую незнакомецъ заботливо заперъ за собой и стали подниматься въ темнотѣ по узкой витой лѣстницѣ. Она вывела насъ въ скудно освѣщенный корридоръ, откуда мы прошли въ комнату, которую освѣщала одна лампа, прикрѣпленная къ потолку.

Въ этой комнатѣ стояла постель, на которой лежалъ трупъ. Незнакомецъ отвернулъ свое лицо и казалось хотѣлъ скрыть свои слезы. Онъ ука-

залъ мнѣ на постель, приказалъ мнѣ совершить мое дѣло быстро и хорошо, и ушелъ назадъ въ дверь.

Я досталъ мои ножи, которые я какъ врачъ всегда носилъ съ собой и приблизился къ постели. Только голова трупа была видна, но она такъ была красива, что меня невольно охватило искреннее сожалѣніе. Темные волосы спускались длинными косами, лицо было блѣдно, глаза закрыты. Я сдѣлалъ сначала надрѣзъ на кожѣ, по обыкновенію врачей. Потомъ я взялъ самый острый ножъ и однимъ взмахомъ перерѣзалъ горло. Но какой ужасъ! Мертвая открыла глаза, и закрыла ихъ тотчасъ опять и, какъ кажется, только теперь въ глубокомъ вздохѣ, разсталась съ жизнью. Тотчасъ-же мнѣ навстрѣчу вырвалась струя горячей крови изъ раны. Я убѣдился, что я только что убилъ несчастную. Что она была мертва, не было никакого сомнѣнія, такъ какъ отъ этой раны не было никакого спасенія. Я стоялъ нѣсколько минутъ въ боязливомъ смущеніи надъ тѣмъ, что случилось. Обманулъ ли меня Красный плацъ, или его сестра была только мнимоумершая? Последнее казалось вѣроятнѣе. Но я не смѣлъ сказать брату умершей, что менѣе быстрый надрѣзъ, можетъ быть, пробудилъ бы ее, не убивъ, поэтому я хотѣлъ отдѣлать голову совсѣмъ, но умирающая простонала еще разъ и вытянувшись болѣзненнымъ движеніемъ умерла. Тогда овладѣлъ мною ужасъ, и, содрогаясь, я бросился вонъ изъ комнаты. Но снаружи въ корридорѣ было темно, потому что лампа была потушена, нельзя было